

данные давление, температура и состав воздуха. Поэтому Георгий Тимофеевич обходился без защитного скафандра.

Выдерживать в определенных пределах температуру не так просто. В солнечных лучах металлический корпус быстро нагревается, а когда корабль уходит в тень Земли, он так же быстро остывает. Но особенно опасен период посадки. Врезаясь с огромной скоростью в воздушную оболочку планеты, корабль раскаляется от трения и может сгореть, как сгорают метеоры. Чтобы этого не случилось, металлический остов корабля снаружи и внутри одевают в специальные защитные одежды. Поэтому к моменту приземления в кабине пилота не жарче, чем в летний день на улицах Москвы.

Есть еще одна сложность в космическом полете — это перегрузки. Космический корабль при входе в атмосферу может тормозиться так сильно, что перегрузки станут опасными для пилота. В это мгновение он почувствует себя так, словно его собственный вес увеличился в несколько раз. Чтобы гасить скорость более плавно, корабль «Союз» использовал принцип спуска с аэродинамическим качеством, что позволяет в два-три раза снизить перегрузки и значительно повысить точность приземления.

«Меткость» при посадке «Союза» была снайперской. Не успел космонавт открыть люк, чтобы вдохнуть воздух Земли, а в иллюминатор уже глядело смеющееся лицо. «Выходи, довольно тебе сидеть там», — шутили встречавшие Берегового представители службы поиска... Надо сказать, что процесс приземления космического корабля довольно сложен. Сначала включается специальный тормозной двигатель. Идет постепенный спуск с торможением в атмосфере. Когда до Земли остается всего 9 километров, раскрывается тормозной парашют. Его надувшийся купол еще больше замедляет спуск корабля. Затем раскрывается основной парашют. И, наконец, перед самым соприкосновением с земной твердью срабатывают тормозные пороховые двигатели системы мягкой посадки; спускаемый аппарат проходит последний метр и мягко садится на поверхность.

...Все более и более самостоятельным становится человек в космосе, космонавты стали настоящими капитанами космических кораблей. Корабль «Союз» снабжен реактивной двигательной установкой. Она позволяет изменять орбиту, а также используется при спуске корабля на Землю.

За день до своего взлета Георгий Тимофеевич Береговой провожал в путь беспилотный корабль «Союз-2». Прошли сутки — и «Союз-3», пилотируемый Береговым, и беспилотный «Союз-2» сблизились в космосе. Сближение осуществлялось автоматически. Но когда между кораблями оставалось всего двести метров, летчик-космонавт взял управление на себя. Отработка основных режимов ручного управления кораблем была одной из задач в большой программе научных и технических исследований, которую осуществлял Георгий Тимофеевич.

Так были проверены возможности широкого маневра корабля «Союз» и точность работы автоматики.

Для чего нужна эта возможность сближения в космосе? Она послужит неоценимую службу при дальних космических рейсах. Нелегко оторвать от планеты и послать в невесомость большой груз. Проще доставлять его в космос по частям и уже там, на перекрестках будущих космических трасс, собирать целое из отдельных деталей.

...Семья космонавтов пополнилась еще одним героем, а космический флот — новым кораблем. Советский народ вписал новую страницу в летопись исследования космоса.

Р. ЩЕРБАКОВ

Рисунок С. ТИТОВОЙ.

Новогодний подарок

Виктор ДРАГУНСКИЙ

Рассказ

Это был последний день занятий в школе. Пахло зимними каникулами, елкой и мандаринными корками. Я пришел из школы, поел и влез на подоконник. Мне давно уже хотелось посидеть у окна, поглядеть на прохожих и самому ничего не делать. А сейчас для этого был подходящий момент. И я сел на подоконник и принялся ничего не делать. В эту же минуту в комнату влетел папа. Он сказал:

— Скучаешь?

Я ответил:

— Да нет... Так... Отдыхаю. А когда же наконец мама придет? Нету уже целых десять дней!

Папа сказал:

— Держись за окно! Покрепче держись, а то сейчас полетишь вверх тормашками! Я на всякий случай уцепился за оконную ручку и сказал:

— А в чем дело?

Он отступил на шаг, вынул из кармана какую-то бумажку, помахал ею издали и объявил:

— Через час мама приезжает! Вот телеграмма! Я прямо с работы прибежал, что-

бы тебе сказать! Обедать не будем, пообедаем потом все вместе. Я побегу ее встречать, а ты приberi комнату и дождись нас, договорились?

Я мигом соскочил с окна:

— Конечно, договорились! Ур-ра! Беги, не теряй времени, вези поскорее маму!

Папа метнулся к дверям. А у меня начался аврал, как на океанском корабле. Аврал — это большая приборка.

— Раз, два! Ширк-шарк! Стулья, по местам! Смирно стоять! Веник, совок! Подметать! Живо! Товарищ пол, что это за вид? Блестеть! Сейчас же! Вот. Какой я молодец! Какой помощник! Гордиться нужно таким ребенком! Я, когда вырасту, знаете, кем буду? Я буду — ого! Я буду даже ого-го! Ого-гу-га-го! Вот кем я буду!

И я долго орал и выхвалился напропалую, чтобы не скучно было ждать маму с папой. В конце концов дверь распахнулась, и в нее снова влетел папа! Он был весь взбудораженный, шапка на затылке! Он один изображал целый духовой оркестр и дирижера этого оркестра заодно. Папа размахивал руками.

— Дзум-дзум! — выкрикивал он, и я понял, что это бьют огромные турецкие барабаны в честь маминого приезда.

— Пхыйнь-пхыйнь! — поддавали жару медные тарелки.

Дальше закричал сводный хор в составе ста человек. Папа пел за всю эту сотню, но так как дверь за собой папа не закрыл, я выбежал в коридор, чтобы встретить маму.

Она стояла возле вешалки с каким-то свертком на руках. Мама мне ласково улынулась и тихо сказала:

— Здравствуй, мой мальчик! Как ты поживал без меня?

Я сказал:

— Я скучал без тебя.

Мама сказала:

— А я тебе новогодний сюрприз привезла!

Я сказал:

— Самолет?

Мама сказала:

— Посмотри-ка!

Мы говорили с ней почему-то очень тихо. Мама протянула мне сверток, и я взял его.

— Что это, мама? — спросил я.

— Это твоя сестренка Ксения, — все так же тихо сказала мама.

Я молчал.

Тогда мама отвернула кружевную простынку, и я увидел лицо своей сестры. Оно было маленькое, и на нем ничего не было видно. Я держал сверток на руках изо всех сил.

— Дзум-бум-трум! — Это появился из комнаты папа.

— Внимание, — сказал он дикторским голосом, — мальчику Дениске в честь новогоднего праздника вручается живая, свежая сестренка Ксения. Длина от пяток до головы пятьдесят сантиметров, от головы до пяток — пятьдесят тоже! Чистый вес — три кило двести пятьдесят граммов, не считая тары.

Он сел передо мной на корточки и подставил руки под мои, наверное, боялся, что я уроню Ксению. Он спросил у мамы уже своим, нормальным голосом:

— А на кого она похожа?

— На тебя, — сказала мама.

— А вот и нет! — воскликнул папа.

Она в своей косыночке очень смахивает на симпатичную народную артистку республики Корчагину-Александровскую, которую я очень любил в молодости. Вообще я заметил, что маленькие дети в первые дни своей жизни все бывают очень похожи на прославленную Корчагину-Александровскую. Особенно похож носик. Носик прямо бросается в глаза.

Я все стоял со своей сестрой Ксенией на руках, как дурень, и улыбался.

Мама сказала с тревогой:

— Осторожнее, умоляю, Денис, не урони.

Я сказал:

— Ты что, мама? Не беспокойся! Я целый детский велосипед выжимаю одной левой, неужели же уроню такую чепуху?

А папа сказал:

— Вечером купать будем! Готовься!

Он взял у меня сверток, в котором была Ксения, и пошел. Я пошел за ним, а за мной мама. Мы положили Ксеньку в выдвинутый ящик от комода, и она там спокойно лежала.

Папа сказал:

— Это пока, на одну ночь. А завтра я куплю ей кроватку, и она будет спать в кроватке. А ты, Денис, следи за ключами, как бы кто не запер сестренку в комнате. Будем потом искать, куда подевалась...

И мы сели обедать. Я каждую минуту вскакивал и смотрел на Ксеньку. Она все время спала. Я удивлялся и трогал пальцем ее щеку. Щека была мягкая, как сметана. Теперь, когда я рассмотрел ее внимательно, я увидел, что у нее длинные темные ресницы...

Вечером мы стали ее купать. Мы поставили на папин стол ванночку с пробкой и нанесли целую толпу кастрюлек, наполненных холодной и горячей водой, а Ксения лежала в своем комодике и ожидала купания. Она, видно, волновалась, потому что скрипела, как дверь, а папа, наоборот, все время поддерживал ее настроение, чтобы она не очень боялась. Папа ходил туда-сюда с водой и простынками, он снял с себя пиджак, засучил рукава и лъстиво покрикивал на всю квартиру:

— А кто у нас лучше всех плавает? Кто лучше всех окунается и ныряет? Кто лучше всех пузыри пускает?

А у Ксеньки такое было лицо, что это она лучше всех окунается и ныряет, — действовала папина лесть. Но когда стали купать, у нее такой сделался испуганный вид, что вот, люди добрые, смотрите: родные отец и мать сейчас утопят дочку. И я тут как раз вовремя подсунулся под мамин локоть и дал Ксеньке свой палец. И, видно, угадал, сделал, что надо было: она за мой палец так схватилась (ого-го!) и совсем успокоилась. Так крепко и отчаянно ухватила девчонка за мой палец, ну просто как утопающий за соломинку. И мне стало ее жалко оттого, что она именно за меня держится. Держится изо всех сил своими воробьиными пальчиками, и сквозь эти пальцы чувствуется ясно, что она мне одному доверяет и что, честно говоря, купание для нее — мука и ужас, риск и угроза. И надо спасаться: держаться за палец старшего, сильного и смелого брата.

Когда я обо всем этом догадался, когда я понял наконец, как ей трудно, бедняге, и страшно, я сразу стал ее любить.

А потом... потом уже поздно вечером в кровати я все думал про то, как завтра сам наряжу для Ксеньки елку, и про то, что никто из ребят не получил сегодня такого удивительного новогоднего подарка.

О самом родном человеке

ЖИЗНЬ — НАСТАВЛЕНИЕ

Директор любого завода — человек всегда занятой. И все-таки Владимир Алексеевич ЕРМОЛАЕВ, директор московского завода «Серп и молот», сразу выкроил время для этого интервью.

— Какие наставления матери вам особенно пригодились в жизни?

— Наставления? Насколько помню, наставлений вообще я не слышал, мама до них не охотница была. Но ее собственная жизнь стала для меня наставлением. Шли двадцатье годы. Мы жили тогда в рабочем пригороде Казани. Родители мои, окончившие в свое время гимназию, учительствовали. В нашей округе грамотных, особенно среди женщин, было раз-два и обчелся. А люди тянулись к новой жизни, к знаниям. И скольким из них помогла мама овладеть грамотой, как сейчас принято говорить, «на общественных началах» — учила их читать и писать. Мы с сестрой всегда присутствовали на этих занятиях. И до чего же мы гордились своей мамой!

Однажды летней ночью случился большой пожар. Загорелся наш дом, вернее, дом хозяйки, у которой мы снимали комнату. Тесовый,

он вспыхнул, как спичка. Начался переполох, спросонья люди не сразу сообразили, в чем дело. Мне рассказывали после, что только мама не растерялась. Она первой кинулась в огонь спасать спящих ребятнишек. И потом уже все за ней...

Помню, мама всегда была занята: то самодеятельность в нашей школе организует, то какой-нибудь иружок. А как она отлинялась на чужую беду! У соседки несчастье, значит, мама там.

— Доставляли ли вы своей матери огорчения?

— Наверное. Никогда не забуду, как увидела она меня на улице с папирисой. Ну, думаю, пропал, теперь не избежать наказания. До этого я много наслушался от своих однокашников, мол, родители за такие проделки по голове не гладят. Вернулся домой — мама молчит. Хотя бы слово! Но вижу: расстроена, почти больна. Уж лучше бы выругала! С тех пор не курю.

— Кем она хотела видеть вас в будущем?

— Мама никогда не называла мне, что делать, — идти работать, учиться. Она

доверяла мне. Она одобрила мой выбор, когда я решил поступить в школу ФЗУ при заводе «Серп и молот», хотя, возможно, мечтала для меня о другом. В институт я пошел уже потом, работая на заводе. Незадолго до войны увлекся я парашютным спортом. Бывало, еду на аэродром на ночные прыжки, возвращаюсь рано утром — мама не спит. По глазам вижу, что всплкнула. Но, стараясь казаться спокойной, только спрашивает: «Как прыгнул?» За это я был ей очень благодарен.

— Что вы подарили матери со своей первой получки?

— Тридцать первый год. Я — ученик школы ФЗУ. Первая получка — 32 рубля. Как же я бежал с ними домой, чтобы вручить маме! Годы трудные были, хлеб получали по карточкам... Вспомнил, что мама любит хризантемы. Купил горшок цветов. Правда, по дороге они у меня изрядно помялись. Видите ли, дарить цветы в то время считалось буржуазным пережитком. И пока я их нес в руках, пришлось выслушать немало насмешек от своих же друзей. Но для мамы...